

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

УДК 81'33

Алефиренко Николай Федорович

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, Белгород, ул. Победы, 85
alefirenko@bsu.edu.ru

Нуртазина Марал Бекеновна

Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилева,
Казахстан, 010000, Нур-Султан, ул. Сатпаева, 2
nurtazina_mb@enu.kz

Стебунова Кира Константиновна

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, Белгород, ул. Победы, 85
stebunova@bsu.edu.ru

В поисках когнитивно-лингвистической методологии учения о дискурсе

Для цитирования: Алефиренко Н. Ф., Нуртазина М. Б., Стебунова К. К. В поисках когнитивно-лингвистической методологии учения о дискурсе. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература*. 2021, 18 (2): 313–338. <https://doi.org/10.21638/spbu09.2021.205>

Данная работа посвящена изучению открытых для дискуссии теоретико-методологических проблем современной дискурсологии. Являясь объектом междисциплинарных интересов, исследования дискурса исповедуют различные методологические принципы и теоретические категории. Учитывая позиции различных гуманитарных наук, использующих категорию дискурса, авторы данной работы считают методологической первоосновой дискурс-анализа выявление коммуникативно-когнитивной корреляции речевого смысла художественного текста и дискурсообразующих концептов как основы мыслекода автора и читателя. Вводимая и интерпретируемая нами категория «дискурсивная деятельность» соотносится с языковой деятельностью — четырехэлементной моделью нашего познания и общения. Доказывается, что дискурсивная деятельность строится не на традиционных трех китах, а на четырех. Коммуникативное событие проецируется: 1) предметными реалиями; 2) чувственным восприятием в виде пред-

метных и ранее сохраненных в памяти фонетических представлений; 3) дискурсивной моделью будущего (предполагаемого) текста, которая конструируется идеальными феноменами — концептами; 4) такими идеальными единицами языкового сознания, как «внутренние слова». Это позволяет интерпретировать дискурс как схематическое средство мысленного конструирования коммуникативной ситуации в совокупности ее вербальных и невербальных элементов. Разрабатываемый в исследовании дискурс-анализ опирается на интерпретацию системы концептов, которые являются когнитивным субстратом дискурсивной ситуации и служат предтекстовой моделью переживаемого коммуникантами события как реального факта. Важным в разрабатываемой когнитивно-лингвистической методологии дискурс-анализа является адекватная интерпретация смысловых отношений между ключевыми словами и базовыми концептами. В статье были использованы метод контекстуальной интерпретации и метод дискурс-анализа.

Ключевые слова: методология дискурс-анализа, логоэпистема, коммуникативное событие, концепты.

Введение

Поскольку дискурс стал предметом практически всех гуманитарных наук (социологии, культурологии, литературоведения, лингвистики и др.), междисциплинарный интерес к нему вызывал переосмысление самой сущности, «турбулентность» в истолковании его методологических принципов и в итоге — «кризис-коммуникацию» (*crisis communications*) [Fokkema 1986: 83]. Детальное рассмотрение объяснительных возможностей культурологических понятий в порождении дискурса представлено в работе Х. Куссе и В. Е. Чернявской. Авторы убедительно доказывают, что «культура связывает несколько основополагающих для гуманитарных наук понятий: *идентичность, ментальность, коммуникация, дискурс*», что «их изучение происходит сегодня в тесной связи с понятием *культура*» [Куссе, Чернявская 2019: 446]. Сродни данной концепции суждения Е. Н. Шапинской, определяющей дискурс как «социально продуцированный способ говорить или думать об определенной теме». В таком понимании дискурс является «социокультурным феноменом» [Шапинская 2017: 112] (см. также: [Widdowson 2002; Capone 2017; Jameson 1995; Juan 2016]). Аргументируется данный постулат тем, что смысловая ипостась дискурса проецируется социальным опытом. К этому добавляется «лингвистическая система сигнификации, при помощи которой смыслы продуцируются и циркулируют» [Шапинская 2017: 112–113]. Принимая точку зрения автора на понимание дискурса как «социокультурного феномена», мы полагаем, что структурируемая им модель текстопорождения (культура — это всегда текст, хотя и не всегда вербальный) продуцируется не сигнификативной семантикой, а ее культурами — единицами семиотики культуры, в которой знак и культура тесно связаны [Иванов 2007; Лотман 2002: 129]. В силу такой взаимосвязи в ходе речемыслительной деятельности мир переживается и интерпретируется.

В литературоведческих исследованиях правила, свойственные дискурсу, изучаются обычно в сопряжении с речежанровыми изысканиями (иногда привлекаются теории стилей или модусов и т. п.) [Иванов 2007; Тодоров 1983; Тюпа 2010; Macpherson 2017; Pinker 2007]. Другие литературоведы, развивая концепцию М. Фуко, согласно которой «дискурс — это тонкая контактирующая поверхность, сближаю-

щая язык и реальность» [Фуко 1996: 102], усматривают в смысловом поле дискурса еще прагматические и идеологические установки автора. Так, В. И. Тюпа, развивая теорию «дискурсивных компетенций» А. Ж. Греймаса, рассматривает дискурс как «систему не семиотических конвенций, а коммуникативных компетенций: креативной (субъектно-авторской), референтной (объектно-авторской) и рецептивной (адресатно-читательской)» [Тюпа 2011: 31; 2010]. А в понимании структуралистов специфика дискурса определяется тем, что он располагается «по ту сторону языка, но по эту сторону высказывания, т. е. после языка, но до высказывания» [Тодоров 1983: 367].

В социологии дискурс рассматривается как коммуникативная практика производства «знания» и закрепления определенной картины мира; речь, тип речи, текст, тип текста [Atlas 2005; Nuys 1993]; в теории дискурсивного анализа Т. ван Дейка дискурс рассматривается как коммуникативное событие между говорящим и слушающим, как конкретный результат коммуникации [ван Дейк 1989]; в работе М. Фуко «знание» о социальной реальности используется как специфическая технология власти (стратегия власти) [Фуко 1996]; культуроведение избирает социокультурную ориентацию [Kristeva 1984; Lévi-Strauss 2005; Fokkema 1986; Niiniluoto 2016; Benton 2016].

В некоторых работах аргументируется синергетический подход к изучению речевой деятельности (текста) [Герман 2000; Sims 2016; Vetter, Newen 2014]; в других — анализируются методологические предпосылки становления синергетической парадигмы в языкознании [Алефиренко 2020; Kristeva 1984; Герман 2000], позволяющей выявить и обосновать «закономерности взаимодействия стабильных и нестабильных компонентов как символической структуры, так и текста в целом» [Kristeva 1984: 56; Wierzbicka 1994]; исследованы лингвистические [Степанов 1995; Тичер и др. 2009; Лакофф 2004; Widdowson 2002; Gauker 2013], психолингвистические [Лурия 2007; Vygotsky 1986; Grice 1957], психологические [Piaget 2000; Atlas 2005], нейролингвистические [Лурия 2007; Vygotsky 1986] основания изучения речесмыслопорождения как самоорганизующейся системы [Алефиренко 2020]. В работе [Alefirenko, Nurtazina 2018] подробно проанализированы когнитивная метафора и некоторые другие дискурсивно значимые средства как детерминанты процесса самоорганизации речевой деятельности.

Существенно значимые, хотя и не самодостаточные, данные изыскания могут оказаться полезными своими отдельными аспектами для осуществляемого нами когнитивно-лингвистического истолкования дискурса. Базовыми категориями нашего подхода служат **коммуникативное событие** и **дискурсивная ситуация**. Несмотря на свою популярность, они все же остаются не до конца осмысленными. Все еще происходит смешение коммуникативного события и реалии. В нашем понимании, коммуникативное событие — это происшествие, превратившееся из беспристрастного факта в коммуникативно значимое (переживаемое) явление личной или общественной жизни, вызывающее необходимость его диалогового обсуждения и/или интерактивной интерпретации и потребность согласовать все сюжетные линии данной жизненной истории в целостную нарративную структуру [Алефиренко 2020].

Так, писатель Павел Басинский, получивший «Нику» как один из сценаристов фильма «История одного назначения», без научной зауми, неожиданно просто рас-

крыл суть коммуникативного события. Для него коммуникативным событием стала взволновавшая его тема ухода Льва Толстого. Данное происшествие побудило в нем внутреннюю потребность найти ответы на скрытые вопросы, мучившие «82-летнего старика, который ночью просыпается, быстро собирает вещи и с личным врачом уезжает, фактически бежит из дома. Зачем он, человек, отлученный от церкви, едет в Оптину пустынь? Мне хотелось понять, что произошло, и написать об этом» [Басинский 2013]. Так получилась книга «Бегство из рая»: коммуникативное событие легло в основание дискурсивной модели — будущего художественного нарратива. Иначе говоря, коммуникативное событие [Алефиренко 2020] — продукт прототекстового моделирования реального происшествия в жизни сообщества или личной жизни автора. Дискурсивная ситуация «конструируется» автором путем интерпретации обстоятельств, при которых происходит нечто взволновавшее автора произведения: обстановка действия, диспозиция участников коммуникативного события [Левицкий 2019; Benton 2016; Juan 2016; Kristeva 1984]. Дискурсивная ситуация сопряжена с предтекстовой моделью переживаемого автором события как реального факта, под которой понимается схема мысленного конструирования вербальных и невербальных элементов эксплицитного и имплицитного характера.

Постановка проблемы

Дискурс как речемыслительный механизм социальной коммуникации с момента своего появления (в ряду актуальных и сложноразрешаемых гуманитарной наукой объектов) находится в зоне турбулентности, провоцируемой весьма противоречивыми интерпретациями. Объясняется это тем, что попытки истолкования его сущности предпринимаются разными направлениями, сосуществующими в рамках общей методологической стратегии, направленной на замену ортодоксального структурализма антропоцентрическими принципами современного «лингвистического ренессанса» (*renaissance linguistique*) [Фуко 1996: 89]. Разумеется, само название «лингвистический ренессанс» не имеет терминологического статуса; оно, скорее, служит метафорическим обозначением современного периода науки о языке, который можно назвать начавшейся эпохой лингвистического постмодернизма.

Новый период в развитии лингвистической мысли значительно отличается от предшествующих эпистем: от эпохи постструктурализма, сторонники которого сохраняли верность основным структуралистским идеям [Kristeva 1984; Тодоров 1983], и от эпохи модернизма, пытавшегося осовременить традиционную лингвистику новыми подходами [Лотман 1992]. Постмодернизм в науке о языке стремится постулировать значимость культурного контекста лингвистической деятельности. Более того, наука в постмодернизме рассматривается как часть единого культурного континуума. Столь явный культурологический уклон в стратегии новой эпистемы настолько увлекает некоторых исследователей, что в их работах львиную долю занимают описания референтных явлений культуры, репрезентируемых языковыми знаками [Лосев, Тахо-Годи 2005]. Лингвистически же значимыми следует считать только те изыскания, которые подчинены постижению объективно существующего языкового сознания [Иванов 2007; Vetter, Newen 2014].

Несмотря на все междисциплинарные зигзаги, в том числе и связанные с ценностно-смысловым взаимодействием языка и культуры, познание лингвистических

истин было и остается важнейшей функцией языкознания, как бы тесно ни пересекались его интересы с исследованиями смежных дисциплин. Каким бы разноплановым ни был характер междисциплинарных связей науки о языке, прежде всего тех, которые находятся в лоне культурного контекста, первоочередной задачей лингвистического постмодернизма остается приоритетное исследование когнитивно-прагматических механизмов речевой коммуникации [Левицкий 2019; Lévi-Strauss 2005]. Суть таких когнитивно-прагматических аспектов речевой коммуникации сконцентрирована в афористическом призыве изучать «человека в языке и язык в человеке» [Степанов 1995: 132]. Ее воплощение, по мнению сторонников антропологической лингвистики, должно сформировать принципиально новую для понимания сущности дискурса лингвистическую парадигму. Их прогнозы стали сбываться в последней трети XX в., когда в соответствии с парадигмальной моделью развития науки Т. Куна появились утверждения о том, что в лингвистике произошла «революционная» смена научных парадигм. Инновационные решения, накопившиеся в теории коммуникации, связывались с теорией «языкового существования».

Однако вскоре восторженное восприятие парадигмально-революционной замены научных стратегий угасает. Современная философия науки уже с междисциплинарных позиций (по закону спирали) возвращается к эволюционно-конвергентным принципам развития лингвистической мысли [Macpherson 2017]. В данной ситуации снижается и революционный накал концепции «языкового существования»: в наше время уже нельзя не видеть ее **эволюционно-конвергентных оснований**. Кстати, еще в 1937 г. стоявшие у ее истоков японские лингвисты Н. Минору и Т. Мотоки были преисполнены решимости перевести науку о языке с системно-структурных на функционально-коммуникативные рельсы. В качестве основополагающего положения они избрали принцип **коммуникативной деятельности** (см. также: [Widdowson 2002; Vetter, Newen 2014]).

Однако и их идеи не были абсолютно новыми. Им предшествовала теория акад. Л. В. Щербы, которая в развитие мысли Ф. де Соссюра о необходимости разграничения языка и речи обосновывала необходимость различать «речевую деятельность, языковую систему и языковой материал» [Щерба 2004: 26]. Под третьим аспектом («языковым материалом») ученый понимал «совокупность всего говорящего и понимаемого в определенной конкретной обстановке»; при этом акцентировал внимание на том, что языковая система и языковой материал — «это лишь разные аспекты единственно данной в опыте речевой деятельности» [Щерба 2004: 26]. Тем самым Щерба, понимая неоднородность «языковых явлений», определил их общую платформу, на которой они выстраиваются, — речевую **деятельность** человека. Сама же доктрина языка как деятельности была обоснована еще в XIX в. В. фон Гумбольдтом. Можно утверждать, что одна из отличительных методологических примет современного языкознания сложилась путем интеграции конструктивных идей разных научных школ и направлений.

Особенно интенсивно в наше время осуществляется конвергенция базовых положений феноменологии, деконструктивизма, герменевтики и когнитивной лингвокультурологии. Для такого рода междисциплинарной интеграции нужен, разумеется, некий методологический интеграл. Им стали категория дискурса и так называемый дискурс-анализ. «Так называемый» потому, что он в современном виде представляет собой скорее дискурс-теорию, чем анализ [Тичер и др. 2009]. Методо-

логические возможности [Чернявская 2017: 136–137] и принципы дискурс-анализа сосредоточены на исследовании «языка в общении». Эта идея настолько завладела умами ученых, что многие из них стали говорить о дискурсивном повороте в гуманитарных науках, ставящем современную лингвистику на грань методологического срыва.

Методология исследования

Данное исследование представляет собой попытку разработать методологически значимые постулаты, обозначить дискуссионные и открытые исследовательские вопросы для развития собственно лингвистической дискурсологии. Для выявления речемыслительной природы дискурса в основу исследования положен анализ порождаемых им художественных и фольклорных текстов. Основной исследовательский вопрос заключается в том, как осуществить анализ метадискурсивных средств выражения коммуникативных событий, моделируемых тем или иным дискурсом. Первоосновой дискурс-анализа является выявление коммуникативно-когнитивной корреляции речевого смысла художественного текста и дискурсообразующих концептов. При этом следует помнить, что в рамках современной когнитивной лингвопоэтики роль слова в художественном тексте рассматривается в достаточно широком, дискурсивно-событийном ракурсе. Определить дискурсивную функцию слова в тексте — значит выявить его роль, с одной стороны, в интенционально-авторском текстопорождении, а с другой — со стороны его восприятия и понимания читателями [Герман 2000; Левицкий 2019; Carone 2017; Juan 2016; Nuys 1993].

Почву для таких размышлений закладывают современные лингвокогнитивные и психолингвистические исследования [Белянин 2000; Лурия 2007]. Согласно данным металингвистики, словарный фонд любого языка служит важнейшим вербальным средством формирования, хранения и переработки того предметно-деятельностного опыта человека, на основе которого формируются картины мира автора и читателя — основных участников дискурсивно-художественной деятельности. «Как средство доступа к единой информационной базе человека, высвечивающей в индивидуальной картине мира соответствующий фрагмент во всем богатстве его связей и отношений, — отмечает А. А. Залевская, — слово играет решающую роль в процессах порождения и понимания текста. При этом слово высвечивает в индивидуальной картине мира соответствующий фрагмент во всех его связях и отношениях с учетом как сформировавшейся в социуме системы норм и оценок, так и индивидуального опыта, индивидуальных знаний и переживаний» [Залевская 2001: 130]. Особую значимость при этом приобретают ключевые слова [ван Дейк 1989; Grice 1957; Fokkema 1986; Sims 2016; Widdowson 2002].

Результаты и обсуждение

Концепты и ключевые слова

Ключевые слова находятся в номинативной связи с **базовыми концептами** дискурсообразования. Точнее, ключевые слова, будучи единицами речи, служат средством вербальной материализации дискурсообразующих концептов — еди-

ниц ментальной сферы речемышления. Можно говорить, что концепты и ключевые слова находятся в причинно-следственных отношениях. Изначально в качестве смыслового ядра формируются концепты. Мыслительным механизмом их возникновения является **концептуализация** (conceptualization) — процесс выведения обыденных (наивных) понятий из сферы исключительно предметно-чувственного восприятия и наблюдения действительности в процесс осмысления коммуникативного события, включающий в себя формулирование, обобщение, абстрагирование и размышление-интерпретацию.

Однако предназначение концептуализации — не в простом переводе одной формы восприятия в другую. Это способ обретения новых знаний о том фрагменте картины мира, который избран субъектом речи для коммуникации, сложный процесс формирования коммуникативно и культурно значимого сегмента языкового образа мира в его моделируемых очертаниях. В силу этого порождаемый дискурсом текст является полигоном «не только для собственно лингвистических, но и культурологических рефлексий», осуществляющих «миромоделирование» (см.: [Niiniluoto 2016: 269; Gauker 2013]) с помощью концептуализации, которая, по мнению Дж. Лакоффа, обычно носит метафорический характер. Метафорическая концептуализация, как и проецируемая ею языковая семантика, дает возможность интерпретировать сложные объекты и явления путем переосмысления базисных знаний когнитивно-дискурсивного опыта. Идеи Лакоффа [Лакофф 2004] позволяют преодолеть речесцентрическую теорию дискурса. Ее верификацию не спасает даже известная и часто повторяемая разными авторами заоблачная метафора Н. Д. Арутюновой — «речь, погруженная в жизнь» [ЛЭС 2002: 137]. Под дискурсом следует понимать прежде всего речемышлительную деятельность, направленную на порождение текста [Алефиренко 2020: 67].

Пагубна и другая крайность, когда некоторые исследователи пытаются представить дискурсивную деятельность как исключительно когнитивную, рассудочную категорию. В работах Канта и Гегеля, например, определение «дискурсивный» становится оппозитивным по отношению к «интуитивному» [Кант 1964: 68; Гегель 1959]. В этой связи целесообразно акцентировать внимание на точке зрения Лакоффа, согласно которой дискурсивные явления не должны сводиться лишь к процессам познания. В объективе дискурсологии, исходя из сущности самого дискурса, должны находиться, органически сочетаясь, процессы речедейтельности (текстопорождающее моделирование) и когнитивные процессы (понимание речемышлительных построений).

Принципиально значимо, с нашей точки зрения, следующее. Когнитивно-коммуникативная природа дискурса предопределяется тем, что его возникновение связано со знаковой репрезентацией дискурсообразующих концептов. Видимо, по этой причине все чаще в лингвистике используется в качестве ядра дискурсивного поля гибридное образование «слово-концепт»: 1) «слово-концепт» в народном творчестве — пословицах, поговорках, фразеологических сочетаниях; 2) «слово-концепт» в художественных текстах [Kristeva 1984; Sims 2016]. Такой терминологический гибрид особенно актуален в том случае, если иметь в виду «внутреннее слово», называемое св. Августином метафорой «речь сердца» (в психологии она именуется внутренним планом речевого сообщения). Некоторые авторы, чувствуя когнитивный диссонанс, проецируемый таким наукообразным гибридом

(«внутреннее слово»), уточняют, что слово-концепт как определенный звуковой и буквенный комплекс, семантика которого ограничена общепринятым значением, в авторском писательском понимании и использовании выводится за пределы этих границ и получает свое внутреннее содержание. Это уже не семантика слова как такового, а внутреннее содержание концепта, создаваемое некоей совокупностью смыслов, вызванных конкретикой авторского текста и контекста [Тюпа 2010: 36–37]. Некоторую опору при этом авторы ищут в суждениях именитых ученых [Кацнельсон 2001; Piaget 2000; Pinker 2007; Jameson 1995]. Так, по утверждению С. Д. Кацнельсона, «система мышления дублируется системой языка, которая, повторяя основные структурные особенности первой системы, вместе с тем существенно отличается от нее» [Кацнельсон 2001: 471].

Принципиально соглашаясь с этим суждением, полагаем, что некоторые его составляющие нуждаются в обоснованиях. Прежде всего, как нам представляется, система языка не столько дублирует систему мышления, сколько находится с ней в отношении функционального дополнения. С одной стороны, мышление, будучи способом получения и организации знания, для отображения действительности нуждается в необходимых для этого опосредствующих знаковых системах. Дело в том, что в процессе мышления действительность отображается в мозгу посредством знаков. В современной психологии, вслед за Ж. Пиаже [Piaget 2000] и Л. С. Выготским [Vygotsky 1986], мышление рассматривается как знаковый дериват внешней — предметной — деятельности, а сам мыслительный процесс осуществляется в виде чередования образов знаков, вербализующих концепты.

Сущность дискурсивной деятельности

Дискурсивная деятельность зиждется на четырех китах. **Коммуникативное событие** проецируется а) психически отраженными **предметными реалиями** — «вместилищами» знаний о неязыковой действительности, обладающими наиболее известным и ярким этнокультурным фоном, и б) их **ассоциативно-образным сопряжением** с ранее закрепленными в языковом сознании фонетическими представлениями. **Дискурсивная модель** предполагаемого текста конституируется в результате такой деятельности двумя биполярными конструктами: в) концептами (бытийно-культурными конструктами) и г) словами как идеальными единицами языка (звуковой образ и мыслительный субстрат) [Alefirenko, Nurtazina 2018: 51–52]. В созданном тексте концепты воплощаются в языковые значения, а слова — в словоформы (материальные единицы). В этом заключается сущность дискурсивной деятельности. Начальными и завершающими ее элементами служат: а) материально существующие реалии (предметы того фрагмента картины мира, которые представляются автору коммуникативно значимыми, побуждающими к формированию речевого замысла); б) речевые знаки, образующие план выражения текста. Они порождаются чувственным мышлением. Соединяющим их фрагментом служат идеальные феномены: концепты и соответствующие им в языковом сознании слова (единицы языка).

В процессе работы мыслекодowych актов, отраженных на рисунке 1, лингвокреативное мышление способно создавать дискурсивно-модусные концепты. Каким способом дискурсивно-модусный концепт может быть вербализован, зависит от

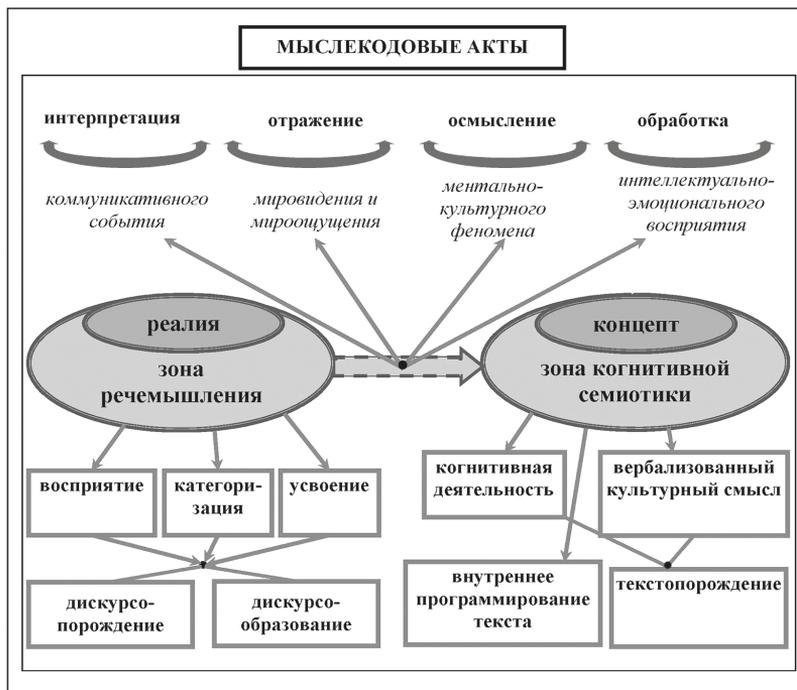

Рис. 1. Механизмы дискурсивной деятельности. Составлено авторами

лингвокреативного мышления. Лингвокреативное мышление может произвести выбор средств выражения в соответствии с коммуникативно-прагматическими интенциями дискурса; может определять семантический объем лексемы-репрезентанта, особенности ее внутренней и внешней сочетаемости и т. д. Многое здесь будет определяться также имманентными факторами лингвокреативного мышления: а) имеющимися в языке лексическими и грамматическими средствами выражения лежащего в основе данного концепта образа; б) жизненным опытом; в) речевыми интенциями; г) этнокультурной прагматикой дискурса и т. п. Такая интерпретация дискурсивной деятельности соотносима с языковой деятельностью — четырех-элементной моделью нашего познания и общения. Можно сказать, что она служит основным законом человеческого языка — дериватом чувственного восприятия и ментальной работы мозга. Приведем пример. Вдумаемся в четверостишие И. А. Бунина:

В столетнем мраке черной ели
Краснела темная заря,
И светляки в кустах горели
Зеленым дымом янтаря [Бунин 1996].

Ель, заря или *янтарь* становятся знаками для реальных предметов *ель, заря* и *янтарь* только в том случае, если они фиксируются сознанием в виде концепта и языкового знака и отражаются когнитивно-семиотическими средствами (см. рис. 1).

Дискурсивная деятельность и «слово-концепт»

Из вышеприведенного суждения вытекает, что «слово-концепт» должен восприниматься как условно употребляемый феномен. Повод для употребления такого загадочного «кентавра», видимо, детерминирован досадным неразграничением онтологического статуса «слова» на разных фазах концептообразования. В первом случае речь идет о недопустимой деактуализации двойственной природы языка, что приводит к завуалированию сущности двойственной природы слова, когда автор не уясняет прежде всего для себя самого, о какой ипостаси слова он размышляет: о слове как единице языка (лексеме — сущности **идеальной**) или о слове как единице речи (**материальном** образовании).

Дело в том, что коммуникант, реализуя свой замысел о порождении текста в процессе своей дискурсивной деятельности, подбирает в качестве эпицентра дискурса базовый концепт, который на изначальном этапе своего формирования уже соотнесен в его этнокультурном сознании с соответствующей лексемой. И в такой своей репрезентации языковое сознание «предлагает» дискурсивной деятельности некий конгруэнтный бинот «слово-концепт». Его конгруэнтность обеспечивается природой и сущностью компонентов. Под конгруэнтностью такого рода конструкта понимается: а) адекватность друг другу составляющих ментального бинота, репрезентирующих в различных формах их смысловое содержание, в котором закодировано гетерогенное представление о том или ином фрагменте дискурсивной ситуации; или б) сочленяемость содержательных элементов билатеральной ноэмы — предмета мысли.

Оба компонента такого бинота идеальны: а) **слово** (лексема) идеально как единица языка (согласно Ф. де Соссюру и его последователям, язык — психическая, идеальная, категория); б) **концепт** идеален как ментальная единица. При речепорождении такого рода бинотом предопределяет два функционально значимых вектора речепорождения: благодаря первому происходит полевая организация смыслового содержания и тела текста [Алефиренко 2020]. Ее суть состоит в формировании центра и периферии как в плане содержания, так и в плане выражения порождаемого речевого произведения. Его смысловое поле формируется сочетанием производных концептов, которые своим возникновением в сознании коммуникантов обязаны иррадиации («излучению», распространению) базового концепта (ядра, или центра, дискурса, см. рис. 2).

Механизмами такой «иррадиации» служат авторский замысел и интеллектуально-волевой акт, концептуально формирующие коммуникативное событие в виде ценностно-смыслового поля дискурса, наполняемого эпистемами отдельных фрагментов коммуникативного события. Как показывает векторное изображение когнитивно-дискурсивного текстопорождения, такого рода когнитивно-дискурсивная иррадиация наслаивается на концептуализированные элементы текстопорождающего коммуникативного события. Эта особая категория дискурса коррелирует с реальным предметным и весьма значимым для переживаний автора фактором (они порождают неординарное психическое состояние, проявляющееся в сильных впечатлениях, ощущениях или чувствах), явлением или реальным, конкретным, невымышленным событием в общественной или личной жизни, ставшим источником его словесно-творческого замысла. В силу этого коммуни-

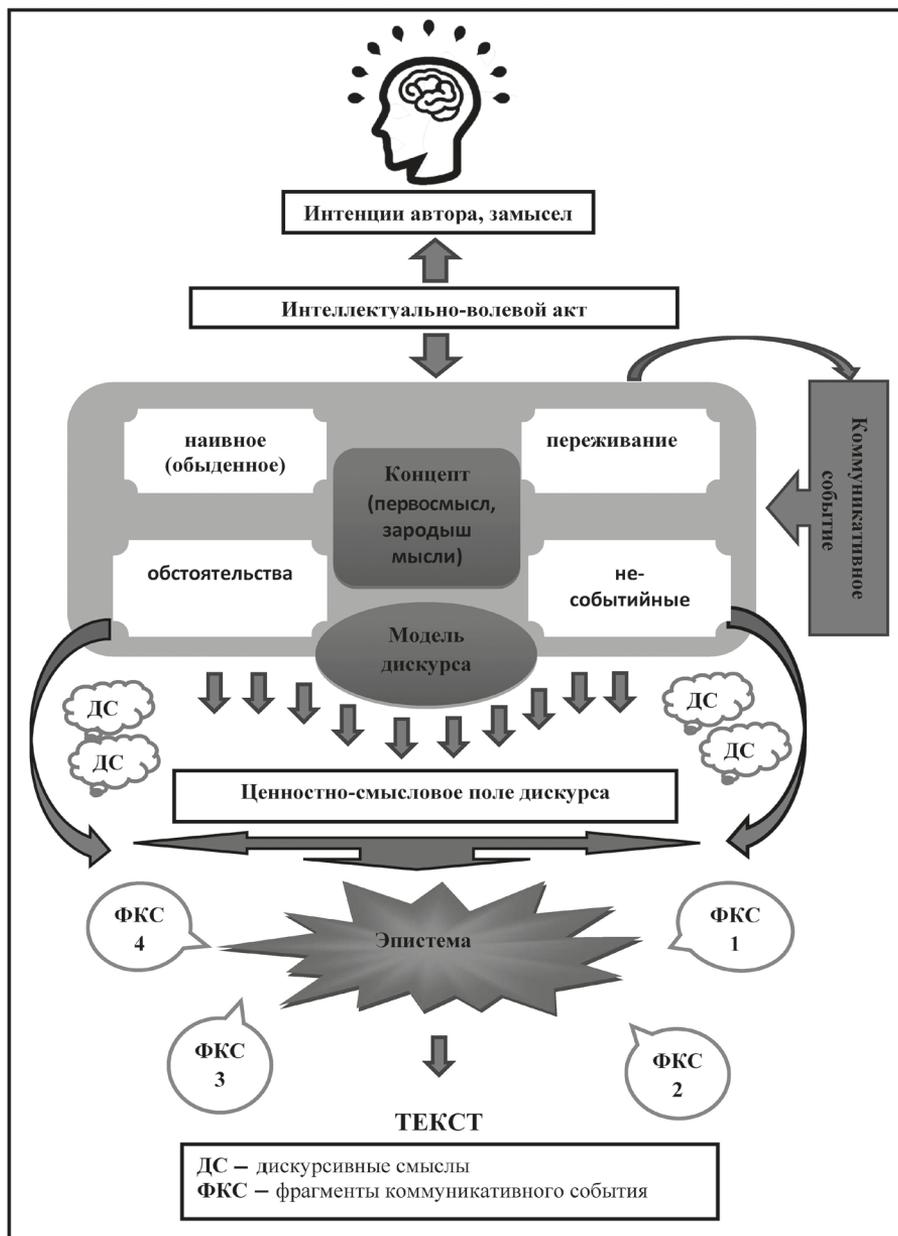

Рис. 2. Векторы когнитивно-дискурсивного текстопорождения. Составлено авторами

кативное событие — не просто реальный факт. Коммуникативное событие — это отраженная в сознании автора модель некоего происшествия, взволновавшего его душу, проецирующая перенос деятельностной энергии автора [Vetter, Newen 2014] в инсайтно-креативную (творческую) деятельность, связанную с озарением, когда автор неожиданно постигает что-то новое, испытывает потребность реализовать в словесных образах «продукт» интеллектуально-эмоционального напряжения.

Дискурс, таким образом, интегрирует в себе отраженное авторским сознанием реальное событие и отношение к нему. В результате такой конвергенции переживаемая и интерпретируемая автором денотативная ситуация преобразуется в реализующую интенциональный замысел мыслекодовую модель, проецирующую полифонию художественного текста. Методологически значимой является осуществленная Ю. Кристевой адаптация текстологических понятий диктума и модуса [Kristeva 1984], способствующих обоснованию дискурса как прототекстовой категории. В дискурсивном проектировании смыслового содержания текста диктум — продукт моделирования коммуникативного события как реального экстралингвистического происшествия, а модус — результат формирования на основе осмысления отношений между концептами пропозиционального остова текста и выстраивания его модальной рамки. В словесно-художественном творчестве происходит сублимация, когда переживания перерождаются в когнитивную метафору, проецирующую дискурсивное стремление к созданию концептосферы (системы художественных концептов) оригинального художественного полотна. Возникшие в рамках мысленно конструируемого текстопорождающего дискурса слова-концепты актуализируются в виде художественных концептов, которые вербализуются словоформами (словами как единицами речи) и в формируемом тексте служат теми смысловыми точками, которые принято называть **ключевыми словами**. Они являются билатеральными речевыми знаками, означающие которых представляют буквенно-звуковой комплекс порождаемого текста, а означаемые — его смысловое содержание.

Язык как система систем (фонологической, лексической, грамматической), будучи синергично организованным кодом, позволяет коммуникантам мысленно и ситуативно/событийно интерпретировать познаваемые объекты, выражать их признаки, свойства и отношения. При этом, как утверждал С. Д. Кацнельсон, «не только подводить предмет под ту или иную категорию, но и определять его значимость в пространственно-временном континууме, ставить в нужные отношения к другим предметам» [Кацнельсон 2001: 471]. Назначение единиц языка — обозначая, обобщать знания о предмете номинации и, абстрагируясь от референта, подводить через концепты соответствующие объекты под соответствующие категории.

Следовательно, слово служит не только средством номинации, но и, выполняя функцию репрезентации концепта, осуществляет функцию интеллектуально-образного воплощения объектов дискурсивного моделирования реальных событий, проецируя денотативные и сигнификативные отношения слова. Из-за этих свойств А. Р. Лурия назвал слово «клеточкой мышления» [Лурия 2007: 12]. Способность слова служить репрезентантом концепта и в сопряжении с ним формировать языковую картину мира позволяет говорить о языковом знаке, вербализующем концепт, как о клеточке дискурсивного сознания (о дискурсивном сознании см.: [Алефиренко 2020]), поскольку фокусирует в себе синергию чувственно-образного, интеллектуально-эмотивного, образного и символического смыслов. Это достаточно выразительно демонстрирует перевод на русский язык английского стихотворения Редьярда Киплинга «The Lovers' Litany» — «Литания влюбленных» [Киплинг 2003: 102–103]. Стихотворение вышло в свет в Англии в 1886 г. в первом сборнике стихов двадцатилетнего поэта. Литания — это молитва. В ней несколько раз, как заклинание, повторялась заключительная строка: «Love like ours

can never die!» — «Такая любовь, как наша, не умрет никогда!» В оригинале стихотворение выглядит так:

Eyes of grey — a sodden quay,
Driving rain and falling tears,
As the steamer wears to sea
In a parting storm of cheers.

Sing, for Faith and Hope are high —
None so true as you and I —
Sing the Lovers' Litany:
"Love like ours can never die!"

Eyes of black — a throbbing keel,
Milky foam to left and right;
Whispered converse near the wheel
In the brilliant tropic night.

Cross that rules the Southern Sky!
Stars that sweep, and wheel, and fly,
Hear the Lovers' Litany:
"Love like ours can never die!"

Eyes of brown — a dusty plain
Split and parched with heat of June,
Flying hoof and tightened rein,
Hearts that beat the old, old tune.

Side by side the horses fly,
Frame we now the old reply
Of the Lovers' Litany:
"Love like ours can never die!"

Eyes of blue — the Simla Hills
Silvered with the moonlight hoar;
Pleading of the waltz that thrills,
Dies and echoes round Benmore.

"Mabel", "Officers", "Good-bye",
Glamour, wine, and witchery —
On my soul's sincerity,
"Love like ours can never die!"

Maidens, of your charity,
Pity my most luckless state.
Four times Cupid's debtor I —
Bankrupt in quadruplicate.

Yet, despite this evil case,
An a maiden showed me grace,
Four-and-forty times would I
Sing the Lovers' Litany:
"Love like ours can never die!"

Художественные концепты Киплинга — колористические. Они ассоциируются у поэта с теми образами, которые отложились в его сознании после путешествия в Индию. Каждая строфа представляет определенное дискурсивное пространство, смысл которого задается колористическим концептом. В основании дискурса первой строфы лежит серый цвет. Вспоминается серое сентябрьское небо в Эссексе. Отсюда пароход уходит в долгое плавание. С этим концептом ассоциируется дождь, влажный причал, скатывающиеся по щекам слезы, прощальные слова. Черный цвет — художественный концепт, организующий дискурсивное пространство второй строфы. Его узловые точки: покрывшая океан тропическая ночь, черный пароход, за бортом в ночной темноте слышится шепот морской пены, темную ночь озаряет лишь сверкающий в небе Южный Крест и звездопад. Коричневый цвет — концепт, образующий смысловое ядро третьей строфы. С ним ассоциируется срывающаяся в степи пыль, раскаленная от июньской жары почва, скачущие лошади. И только два влюбленных сердца рефреном отстукивают доминантный лейтмотив: «Такая любовь, как наша, не умрет никогда!» (пер. К. М. Симонова). Синевя — концепт, служащий смысловым камертоном четвертой строфы, — покрытые облаками горы, словно посеребренные лунным светом, кажутся покрытыми инеем, звуки вальса, которые замирают дрожащим эхом в бескрайнем поднебесье. Четыре художественных концепта: серый, черный, коричневый, синий — ассоциируются с глазами (серыми, черными, карими и голубыми) девушек, в которых был безответно влюблен Редьярд Киплинг. Об этом в пятой строфе откровенно говорит сам автор: «Четыре раза я должник Амура — и четырежды банкрот».

Действительно, слово в художественном дискурсе не столько выполняет функцию референции, сколько служит обобщению на уровне денотации и сигнификации, т. е. из ментальной клеточки преобразуется в ценностно-смысловое поле поэтического дискурса. Свободную вербализацию художественного концепта демонстрирует вольный перевод К. Симонова [Киплинг 2003: 101], текст которого гораздо короче воплощает коммуникативное событие, моделируемое в дискурсе Киплинга. Симонов уклоняется от референции (его внимание поглощает идея влюбленности; поэтому он лишает текст конкретных географических названий — *Южный Крест*, *Индия*; вне перевода остаются такие референты, как *вальсы* и *офицеры*). Вместо предметности — колористические концепты как ядерные смыслы первых четырех дискурсивных моделей влюбленности: «Я четырежды должник синих, серых, карих, черных».

Серые глаза — рассвет,
Пароходная сирена,
Дождь, разлука, серый след
За винтом бегущей пены.

Черные глаза — жара,
В море сонных звезд скольженье,
И у борта до утра
Поцелуев отраженье.

Синие глаза — луна,
Вальса белое молчанье,
Ежедневная стена
Неизбежного прощанья.

Карие глаза — песок,
Осень, волчья степь, охота,
Скачка, вся на волосок
От паденья и полета.

Нет, я не судья для них,
Просто без суждений вздорных
Я четырежды должник
Синих, серых, карих, черных.

Как четыре стороны
Одного того же света,
Я люблю — в том нет вины —
Все четыре этих цвета.

Как видим, на заключительном этапе формирования концепты требуют своей знаковой объективации средствами языковой или какой-либо иной семиотической системы. Языковые проекции концептов чаще всего воплощаются в словах и фразеологических выражениях, которые наиболее концентрированно и адекватно представляют их смысловое содержание. Такие слова и фразеологические выражения, кроме своих кодифицированных значений, фокусируют в качестве коннотаций те имплицитные смыслы, которые составляют периферию концепта и поэтому толковыми словарями не фиксируются. По этой причине значение слова не тождественно образуемому его концепту. Значение слова — феномен лингвистический, а концепт — ментальный и как таковой выступает посредником между словами и внеязыковой действительностью. Специфика дискурсообразующего концепта обуславливается тем, что в его возникновении участвуют два фактора: жизненный и культурно-исторический опыт человека и его языковое сознание. Иными словами, дискурсообразующий концепт возникает не непосредственно из значения слова, а в результате столкновения значения слова с личным опытом субъектов дискурсивной деятельности (автора и читателя).

Базовые концепты в художественном дискурсе

Концепты, выступающие в художественном дискурсе «сгустками смысла», являются **базовыми**. Базовые концепты «функционально и эпистемологически первичны» по отношению к более конкретным и более абстрактным [Лакофф 2004], т. е. усваиваются человеком и начинают использоваться им, как правило, раньше других — более конкретных и более обобщенных. Так, лексема «цветы» — базовый концепт по отношению к концептам «растение» и «василек», «ромашка»; «рубашка» — базовый в сравнении с концептами «одежда» и «косоворотка», «поло» или «гавайская рубашка». Кстати, в статусе базового концепта «рубашка» всегда была не просто частью гардероба, а **символом**. Не случайно доброта и бескорыстие в русской лингвокультуре выражаются фразой *готов отдать последнюю рубашку*.

Базовые концепты нужны человеку для элементарного повседневного взаимодействия с окружающей его средой. Лакофф отмечает, что базовые концепты представляют собой наиболее адекватное отражение предметов реального мира. Базо-

вые концепты усваиваются не сознательно, а через телесный опыт и в дальнейшем используются автоматически. Соответственно, по мнению Лакоффа [Лакофф 2004], базовые концепты имеют важный психологический статус. Важнейшим свойством базовых концептов является их мгновенная языковая проекция. Они практически всегда фиксируются в семантике отдельных слов. Причем такие слова, как правило, достаточно просты по своей морфемной структуре, в состав которой входят одна-две морфемы. По своим смысловым характеристикам базовые концепты отражают скорее не онтологические признаки, свойства и качества предметов, а ассоциирующиеся с ними опыт, представления и эмоции автора [Lévi-Strauss 2005: 5].

Базовые концепты объективируются наиболее глубокими по семантической емкости словами. Их принято называть ключевыми словами текста, поскольку они по своей коммуникативной роли «образуют пики сообщения», осуществляют интенцию текста, выдвигая на первый план наиболее существенное [Kristeva 1984]. Поскольку в основе семантики ключевых слов лежат дискурсообразующие концепты, они служат семантическими скрепами и средством создания смысловой целостности текста. Для автора и читателей они являются репрезентантами дискурсивно значимой информации, необходимой для воплощения замысла и смыслового преобразования путем интерпретации интенционально сформированного дискурса в текст. Для читателей ключевые слова служат вехами для адекватного понимания авторского замысла. Дело в том, что ключевые слова восстанавливают и «оживляют» даже деактуализированные связи с другими элементами долговременной языковой памяти.

По экспериментальным данным, полученным в психолингвистике [Залевская 2001], слово, став в художественном тексте ключевым знаком, вызывает в нашем сознании ранее сформированные ассоциации, переносит их из долговременной памяти в рабочую. Таким способом актуализированные ассоциативные структуры служат деривативной базой для формирования конвергентных структур — **лого-эпистем**, тех ментальных единиц, которые служат в когнитивной поэтике средством лингвокреативного моделирования имплицитных процессов дискурсивного смыслопорождения. С одной стороны, логоэпистема — это знание, хранимое в слове (греч. *логос* — слово; греч. *эпистема* — знание), а с другой — **сигнал**. «Знание — сигнал» образует своего рода ассоциативно-образный бином. В процессе дискурсивной деятельности, порождающей текст, эпистема индуцирует появление соответствующего сигнала, а в дискурсивной деятельности, направленной на восприятие текста, благодаря сигналу в этнокультурной памяти человека активизируются и всплывают на поверхность сознания связанные с ним имплицитные фоновые знания.

С другой стороны, значительное влияние на формирование взглядов М. Фуко оказали некоторые идеи немецких философов Г. Гегеля [Гегель 1959] и И. Канта [Кант 1964]: во-первых, идея, согласно которой сознание не существует вне языка; во-вторых, идея преобладающего значения поэтического языка и поэтического мышления. Таким образом, утверждение сугубо языкового характера сознания, признание преобладающего характера поэтического языка над научным и определение познания как формы реализации стремления к власти — вот те исходные позиции, с которых Фуко начинает разработку своей концепции субъекта и субъективности.

Под эпистемой М. Фуко понимает некий глобальный принцип организации всех проявлений человеческой жизни, определяющий специфику каждой эпохи и ее отличие от всех других эпох [Фуко 1996]. Эпистема — это некая «структура, прежде всех других структур», по законам которой образуются и функционируют все другие структуры. Каждая эпистема неосознанным для человека образом существенно предопределяет нормы его деятельности, понимаемые им феномены окружающего мира, оптику его зрения и восприятия действительности. Эпистема определяет для каждого человека той или иной эпохи те эмпирические порядки, по которым он вынужден жить и ориентироваться. Она выступает как некая скрытая «сеть», задающая способы соотнесения вещей; как некая решетка, пустые клетки которой задают лишь порядок бытия, но не его содержание. Тем не менее эпистема всегда выступает как нечто более фундаментальное, прочное, «истинное», чем все научные и философские теории, которые пытаются дать этому порядку явное выражение.

Дискурс, логосная эпистема и ключевые слова

Особую значимость в методологии художественного дискурса приобретает логосная эпистема — синергетическое взаимодействие и взаимоналожение соответствующего фрагмента картины мира с дискурсивными практиками — запечатленные в дискурсивном сознании конкретные проявления этнокультурного речемышления, отражающие достаточно широкий спектр представленных в сознании средств коммуникации: подбор языковых средств, стиль речемышления, учитывающий особенности тематики, мировоззренческих предпочтений, идиостилювого своеобразия построения нарратива и способа реализации логоса в слове и т. п. **Логосная эпистема** — словесные образы, извлекаемые из дискурсивного сознания для реализации замысла текстопорождения и текстовосприятия. В дискурсе художественного текста логосная эпистема немислима без выделенных еще Аристотелем **пафоса** (переживания, возбуждения, страдания) — категории, соответствующей идиостилю писателя, и **этоса**, отражающего этнокультурные особенности персонажей художественного нарратива: душевный склад, нравы, обычаи и психотип народа. Все три методологически значимые категории (логосная эпистема, пафос и этос) являются базовыми для ассоциативного мышления всех участников дискурсивной деятельности.

Выявлено, что актуализированные ассоциации обладают разной силой дери-вационной активности. Ассоциации, не достигшие **умозрительного пыла** (выражение А. Ф. Лосева [Лосев, Тахо-Годи 2005]), находящиеся на нижнем уровне актуализации, способствуют лишь маргинальному восприятию читателями части смыслового содержания текста. Ассоциации, располагающиеся на пике эпистемологического «возбуждения», образует **интенционал** художественного текста как эпистемологически возможный мир или как другой вариант видения реального мира, благодаря которому читатели схватывают основной смысл текста. Слова, обладающие такой ассоциативной аурой, и являются, на наш взгляд, ключевыми. Ср.:

Отговорила роща золотая
Березовым, веселым языком,

И журавли, печально пролетая,
Уж не жалеют больше ни о ком.

Кого жалеть? Ведь каждый в мире странник —
Пройдет, зайдет и вновь покинет дом.
О всех ушедших грезит конопляник
С широким месяцем над голубым прудом.

Стою один среди равнины голой,
А журавлей относит ветром в даль,
Я полон дум о юности веселой,
Но ничего в прошедшем мне не жаль.

Не жаль мне лет, растраченных напрасно,
Не жаль души сиреневую цветь.
В саду горит костер рябины красной,
Но никого не может он согреть.

Не обгорят рябиновые кисти,
От желтизны не пропадет трава,
Как дерево роняет тихо листья,
Так я роняю грустные слова.

И если время, ветром разметая,
Сгребет их все в один ненужный ком...
Скажите так... что роща золотая
Отговорила милым языком [Есенин 1998].

На пике эпистемологического «возбуждения» — сопряженные ассоциации рощи, сбросившей свое золотое одеяние и поэтому уже, увы, не способной говорить «березовым, веселым языком», с умонастроением второй строфы, передающей печаль журавлей, вынужденных покинуть дорогие им земли. Остовом стихотворения служат два ключевых образа — лирический герой и осенняя роща. В своем архитектурном единстве они создают целостный камертон поэтического дискурса С. Есенина [Есенин 1998]. Он настраивает не только на восприятие поэтической образности, но и, пожалуй, что еще важнее, на ощущение общего настроения. Иначе говоря, авторский камертон служит синтезатором тех «дискурсивных аккордов», без тональности которых невозможно душой проникнуть в мироощущение автора.

Возникновение такого настроения вызывает у читателя соответствующий психический или эмоциональный отклик, побуждает задуматься над человеческой жизнью. Хотя мотив и традиционен для мировой литературы, но его словесно-художественное воплощение — исключительно есенинское: поэт переплетает свою рефлексию с пейзажными мотивами. Эпистемологическое напряжение создается энантиосемическими приемами, когда в едином интеллектуально-чувственном порыве совмещается, казалось бы, несовместимое с ментальными переживаниями и грустью (быстротечность и сущность человеческой жизни) восторженное восприятие красоты осенней природы. В этом проявляется, на наш взгляд, идиостилистическая нота есенинского дискурса: размышления над вечными философскими вопросами органически вплетаются в идущее изнутри восприятие русского пейзажа.

жа. Причем такая синергия есенинского мировосприятия создается не заоблачными образами, далекими от земных проблем, а вполне реальными событиями. Ведь создано стихотворение в 1924 г. (за год до смерти поэта) во время работы над «Поэмой о 36». Вторая строфа стихотворения посвящена человеческой жизни, где «каждый в мире странник». После общежитейского философствования поэт плавно переходит к ретроспективе своей собственной жизни. Он одинок, но спокоен и умиротворен. Поэт элегантно проводит параллель между лирическим «я», роняющим грустные слова, и деревом, тихо роняющим листья. Его никто не тревожит, ему не жаль «лет, растраченных напрасно». Он настойчиво повторяет, что, подобно улетающим журавлям, ни о чем прошедшем не жалеет.

Метафорическая концептуализация, предпринимаемая Есениным, как и проецируемые ею метафорические значения, служит средством индивидуально-авторской интерпретации сложных явлений путем переосмысления базисных представлений о жизни. В стихотворении Есенина преобладают дескриптивные когнитивные метафоры: *отговорила роцца золотая березовым, веселым языком, души сиреневая цвет, равнина голая, каждый в мире странник, журавлей относит ветром в даль, о всех ушедших грезит конопляник*. Этот метафорический ряд обогащается дискурсивными эпитетами: *юность веселая, широкий месяц, рябина красная, голубой пруд, милый язык*. Общая архитектоника создается особой есенинской интонацией.

Примечательно, что одно и то же ключевое слово способно в есенинском тексте актуализировать целые «наборы» ассоциативных полей, образующих обширнейшую сеть лексикона, которая не всегда удерживается рабочей памятью человека. Однако на разных фазах формирования целостного смысла текста конструктивную роль играют последовательно актуализируемые отдельные ее фрагменты. Синхронная актуализация одним словом разнообразных смыслов служит конструктивной фазой текстообразования. Избрание в качестве смысловой доминанты одного из них означает переход конструктивной фазы в фазу интегративную, отличающуюся тем, что выбранное значение используется для создания пропозиции. Причем разные ассоциации, проецируемые импликационалом лексического значения ключевого слова, связываясь и интегрируясь с репрезентациями других слов того же предложения, могут одновременно использоваться для формирования разных пропозиций. Сформировавшаяся пропозиция снова переводит интегративную фазу в конструктивную, но уже фазу второго порядка. На этом этапе созданные пропозиции используются для обнаружения в нашей памяти разных моделей денотативных ситуаций, задаваемых пропозицией. Когнитивное назначение пропозиций на этой фазе состоит в том, что она выступает в качестве внутреннего стимула поиска в долговременной памяти информации.

Завершает процесс текстообразования восстановительная фаза. Ее предназначением является перенос в рабочую память репрезентаций ранее прочитанных предложений, которые на интегративной фазе второго порядка использовались для репрезентации целого текста. В конечном итоге возникает сложная конфигурация репрезентаций — дискурсивное основание для формирования связности и целостности художественного текста (см.: [Залевская 2001: 125–127]). Как видим, понимание смыслового содержания художественного текста достигается взаимодействием когнитивных и языковых структур, ассоциативно активизируемых в рабочей памяти человека. Этот процесс формирования смыслового содержания

текста осуществляется путем интеграции смыслов, возникающих при восприятии отдельных единиц текстопорождающего дискурса. Возникающее в сознании читателя осмысление контекста не всегда соответствует смысловой конфигурации всего текстопорождающего дискурса — сложного и диалектически неоднозначного речемыслительного образования, подпитывающегося информацией, исходящей из множества взаимодействующих ассоциативных полей.

Доминантные смыслы ключевых слов напрямую связаны с аттракторами, которые в современной лингвосинергетике рассматриваются в качестве важного средства упорядочения и самоорганизации [Carone 2017; Gauker 2013]. В таких сложных системах многоуровневого характера, как художественный текст, наблюдается как линейное, так и нелинейное взаимодействие элементов. И аттрактор здесь включает в сферу своего влияния и притягивает другие элементы, организуя их в единое целое. В зависимости от роли в формировании смыслового пространства текста выделяются разные типы аттракторов: креативные, циклические, полевые, точечные. Креативный аттрактор рассматривают как доминантный смысл, как смысловую «зону гармонизации симметрии и асимметрии, организации и самоорганизации текста, зону притяжения всех элементов текста, позволяющую ему существовать как целому» [Герман 2000: 55]. О циклических аттракторах говорят как об «указателях на определенные пространства смыслов или смысловые поля» [Герман 2000: 44].

Однако это не единственное различие. Так, Н. Ф. Алефиренко в качестве креативного аттрактора, своеобразного гармонического центра поэтического текста, рассматривает поэтический символ, играющий роль смысловой константы художественного текста [Алефиренко 2020], различные точечные, полевые и циклические аттракторы, которые можно определить как опорные элементы понимания текста, в том числе лексические. Все это пересекается и часто совпадает с тем, что по традиции называли и называют ключевыми, или доминирующими, словами текста, ключевыми смыслами текста. В. П. Белянин [Белянин 2000] приводит список таких ключевых слов, которые формируют эмоционально-смысловые доминанты разных текстов, в частности «веселых», «печальных», «светлых» и т. д.

Естественно, ключевые слова, формирующие доминантные смыслы текстов, носят обычно концептуальный характер. Поэтому в исследованиях последних лет при рассмотрении доминантных смыслов, креативных и иных аттракторов чаще всего рассматриваются и понятия о концептах и концептуальных системах.

Выделяют (см.: [ван Дейк 1989; Widdowson 2002]) следующие **признаки** ключевых слов художественного текста: полифункциональность; внутритекстовую многозначность; семантическую связь с заголовком; многочисленные деривационные и ассоциативные связи; способность свертывать общетекстовую информацию [Иванов 2007; Степанов 1995]. Прием определения дискурсообразующего концепта через ключевые слова оказывается достаточно конструктивным, поскольку дискурсообразующий концепт реализуется **пропозициями**, связывающими ключевые слова.

Осень. Отвыкли от молний.

Идут слепые дожди.

Осень. Поезда переполнены

Дайте пройти! **Всё позади** [Пастернак 2005].

Связывая ключевые слова, пропозиции служат тем семантическим инвариантом, общим для модальной и коммуникативной архитектуры высказывания и производных от предложения конструкций. Ср.: *Отвыкли от молний* (осенью молнии довольно редкое погодное явление), *Осень* (номинативные и односоставные предложения обычно семантически емки и экспрессивны). Называя смысловые точки коммуникативного события или явления, утверждая их наличие, указывая место, время, номинативное предложение (*Осень.*) стремительно передает динамику действия, развивают перспективы поэтического нарратива. Двусоставное нараспространенное предложение (*Всё позади.*) выражает обреченность, грусть, тоску.

Выводы. Перспективы дальнейших научных изысканий

Различные гуманитарные науки, давая аспектные (с точки зрения той или иной дисциплины) толкования дискурсу, с одной стороны, разрушают попытки его целостного и приемлемого восприятия для междисциплинарного использования, а с другой — вносят конструктивные идеи для построения когнитивно-лингвистической методологии, поскольку так или иначе дискурс является базовой дисциплиной для дальнейшего развития дискурсологии. Более того, внутри лингвистики продолжаются споры о природе и сущности дискурса. Так, с позиций прагмалингвистики дискурс представляет собой интерактивную деятельность участников общения, способствует установлению и поддержанию контакта, эмоциональному и информационному обмену, оказанию воздействия друг на друга, переплетению моментально меняющихся коммуникативных стратегий и их вербальных и невербальных воплощений в практике общения, определению коммуникативных ходов в единстве их эксплицитного и имплицитного содержания.

Дискурс как предтекстовый конструкт требует серьезного исследования в аспекте выявления механизмов преобразования мыслекода (языка мысли) во внешнее текстопорождение. Структурно-речевое изучение дискурса в центре своего внимания видит содержательную и формальную связанность дискурса, механизмы тематических переходов, связанность больших и малых текстовых блоков. Лингвокультурология стремится обнаружить в дискурсе этнокультурное своеобразие художественной коммуникации, выявить и обосновать культурные доминанты этнического сообщества через изучение роли дискурсообразующих концептов. В лингвокогнитивистике исследование дискурса нацелено на его когнитивно-семантические свойства, отображаемые во фреймах, сценариях, ментальных схемах — ментальных моделях в сознании коммуникативного события. Разрабатываемая нами методология когнитивно-лингвистического характера нацелена на выявление смысловых отношений между ключевыми словами, что приводит исследователя к пропозициям, служащим когнитивной (смысловой) составляющей в речемыслеительном механизме порождения дискурса. Однако для формирования дискурса этого недостаточно. Необходимо еще «запустить» и речедействительный механизм, преобразующий интенциональные смыслы в речевые.

Поэтому следующим шагом дискурс-анализа целесообразно определить те пики сообщения, которые через ключевые слова выявляют интенциональные истоки художественного текста. Определить смысловые векторы интенциональности

текста помогают те же ключевые слова, поскольку они, объединяя разные фрагменты текста в одну тему, выступают точками сплетения интенциональных смыслов, в процессе конвергенции которых формируется дискурсопорождающий концепт. Когнитивно-лингвистическая методология открывает перспективы для выявления механизмов дискурсивной полифонии, которая, являясь типичной для словесно-художественного мышления, позволяет автору реализовать общение персонажей на нескольких глубинных уровнях смыслового содержания художественного текста.

Источники

- Бунин 1996 — Бунин И. *Стихотворения*. М.: Миротворец, 1996. 211 с.
Есенин 1998 — Есенин С. *Стихи*. СПб.: Библиотека русской классики, 1998. 156 с.
Киплинг 2003 — Киплинг Р. *Казарменные баллады и Семь морей*. Бетаки В. (пер. с англ.). М.: Классика, 2003. 160 с.
Пастернак 2005 — Пастернак Б. *Стихи*. М.: Русская поэзия, 2005. 155с.

Словари и справочники

- ЛЭС 2002 — *Лингвистический энциклопедический словарь*. Ярцева В. Н. (гл. ред.). М.: Директмедиа Паблишинг, 2002. 600 с.

Литература

- Алефиренко 2020 — Алефиренко Н. Ф. *Лингвокультурология: ценностно-смысловое пространство языка*. Учебное пособие. 6-е изд. М.: Флинта, 2020. 336 с.
Басинский 2013 — Басинский П. В. *Святой против Льва. Иоанн Кронштадтский и Лев Толстой: история одной вражды*. М.: Редакция Елены Шубиной, 2013. 576 с.
Белянин 2000 — Белянин В. П. *Основы психолингвистической диагностики: модели мира в литературе*. М.: Тривола, 2000. 247 с.
Гегель 1959 — Гегель Г. В. Ф. Феноменология духа. В кн.: Гегель Г. В. Ф. *Сочинения*. В 14 т. Т. 4. М.: Издательство социально-экономической литературы (Соцэкгиз), 1959. 488 с.
Герман 2000 — Герман И. А. *Лингвосинергетика*. Барнаул: Алтайская акад. экономики и права, 2000. 170 с.
ван Дейк 1989 — ван Дейк Т. А. *Язык. Познание. Коммуникация*. М.: Прогресс, 1989. 312 с.
Залевская 2001 — Залевская А. А. *Текст и его понимание*. Тверь: Тверской гос. ун-т, 2001. 177 с.
Иванов 2007 — Иванов В. В. *Избранные труды по семиотике и истории культуры*. М.: Языки русской культуры, 2007. 792 с.
Кант 1964 — Кант И. Критика чистого разума. В кн.: Кант И. *Сочинения*. В 6 т. Т. 3. М.: Мысль, 1964. 798 с.
Кацнельсон 2001 — Кацнельсон С. Д. *Категории языка и мышления. Из научного наследия*. М.: Языки славянской культуры, 2001. 864с.
Куссе, Чернявская 2019 — Куссе Х., Чернявская В. Е. Культура: объяснительные возможности понятия в дискурсивной лингвистике. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература*. 2019, 16 (3): 444–462. <https://doi.org/10.21638/spbu09.2019.307>
Лакофф 2004 — Лакофф Дж. *Женщины, огонь и опасные вещи: Что категории языка говорят нам о мышлении*. Шатуновский И. Б. (пер. с англ.). М.: Языки славянской культуры, 2004. 792 с.
Левицкий 2019 — Левицкий А. Э. Дискурсивная ситуация и проблема понимания в аспекте референтности и коммуникативности. *Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики*. 2019, (1): 12–22. <https://doi.org/10.29025/2079-6021-2019-1-12-22>

- Лосев, Тахо-Годи 2005 — Лосев А. Ф., Тахо-Годи А. А. *Платон — Аристотель*. М.: Молодая гвардия, 2005. 392 с.
- Лотман 2002 — Лотман Ю. М. *История и типология русской культуры*. СПб.: Искусство-СПб., 2002. 768 с.
- Лурия 2007 — Лурия А. Р. *Лекции по общей психологии*. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2007. 312 с.
- Степанов 1995 — Степанов Ю. С. Альтернативный мир, Дискурс, Факт и принцип Причинности. *Язык и наука конца 20 века*. М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 1995. С. 38–49.
- Тичер и др. 2009 — Тичер С., Мейер М., Водак Р., Веттер Е. *Методы анализа текста и дискурса*. Б. Дженнер (пер. с англ.). Харьков: Гуманитарный центр, 2009. 356 с.
- Тодоров 1983 — Тодоров Ц. Понятие литературы. Косиков Г. К. (пер. с фр.). *Семиотика*. М.: Радуга, 1983. С. 355–369.
- Тюпа 2010 — Тюпа В. И. Онтология коммуникации. *Дискурсивные формации: Очерки по компаративной риторике*. М.: Языки славянской культуры, 2010. 346 с.
- Тюпа 2011 — Тюпа В. И. Жанр и дискурс. *Критика и семиотика*. Новосибирск; М.: Ин-т филологии Сибир. отд-ния РАН, 2011. Вып. 15. С. 31–42.
- Фуко 1996 — Фуко М. *Археология знания*. Митин С., Стасов Д. (пер. с фр.). Киев: Ника-Центр, 1996. 208 с.
- Чернявская 2017 — Чернявская В. Е. Методологические возможности дискурсивного анализа в корпусной лингвистике. *Вестник Томского государственного университета. Филология*. 2017, (49): 135–148. <https://doi.org/10.17223/19986645/50/9>.
- Шапинская 2017 — Шапинская Е. Н. К методологии исследований культуры: дискурсивный анализ. *Культура культуры*. 2017, (3): 109–115.
- Щерба 2004 — Щерба Л. В. *Языковая система и речевая деятельность*. М.: Эдиториал, 2004. 432 с.
- Alefrenko, Nurtazina 2018 — Alefrenko N., Nurtazina M. Metaphorical Discourse: in Search for the Essence of Speech Imagery. *Cuadernos de Rusística Espanola*. 2018, (14): 49–65.
- Atlas 2005 — Atlas J. D. *Logic, meaning, and conversation: semantic underdeterminacy, implicature, and their interface*. Oxford: Oxford University Press. 2005. XV + 284 p.
- Benton 2016 — Benton M. A. Knowledge and evidence you should have had. *Episteme—a Journal of individual and social epistemology*. 2016, 13 (4): 471–479. <https://doi.org/10.1017/epi.2016.33>
- Capone 2017 — Capone A. Rethinking Language, Mind, and Meaning. *Australian journal of linguistics*. 2017, 37 (1): 112–120. <https://doi.org/10.1080/07268602.2016.1177868>
- Fokkema 1986 — Fokkema D. W. The Semantic & Syntactic Organisation of Postmodern Texts. *Approaching Postmodernism*. Fokkema D. W., Bertens H. (eds). Amsterdam; Philadelphia: University of Utrecht Press, 1986. P. 81–98.
- Gauker 2013 — Gauker C. *Inexplicit thoughts*. In: *Brevity*. Goldstein L. (ed.). Oxford: Oxford University Press, 2013. P. 74–90.
- Grice 1957 — Grice H. P. Meaning. *Philosophical Review*. 1957, (66): 377–388.
- Jameson 1995 — Jameson F. *Postmodernism*. New York; London: Cambridge University Press, 1995. 438 p.
- Juan 2016 — Juan V. S. Does language matter for implicit theory of mind? The effects of epistemic verb training on implicit and explicit false-belief understanding. *Cognitive development*. 2016, (3): 19–32. <https://doi.org/10.1016/j.cogdev.2016.12.003>.
- Kristeva 1984 — Kristeva J. *Revolution in poetic Language*. Waller M. (transl.). New York: Columbia University Press, 1984. 578 p.
- Lévi-Strauss 2005 — Lévi-Strauss C. *Myth and Meaning*. [First published 1978]. London; New York: Routledge & Kegan Paul, U.K, Taylor & Francis Group, 2005. 72 p.
- Macpherson 2017 — Macpherson F. The relationship between cognitive penetration and predictive coding. *Consciousness and Cognition*. 2017, (47): 6–16.
- Niiniluoto 2016 — Niiniluoto I. Logical Tools for Human Thinking: Jaakko Hintikka (1929–2015). *Journal for general philosophy of science*. 2016, 47 (2): 267–276. <https://doi.org/10.1007/s10838-016-9347-7>.
- Nuyts 1993 — Nuyts J. Cognitive Linguistics. *Journal of Pragmatics*. 1993, 20 (3): 269–290.
- Piaget 2000 — Piaget J. Commentary on Vygotsky. *New Ideas in Psychology*. 2000, (18): 241–259.
- Pinker 2007 — Pinker S. *The Stuff of Thought: Language as a Window into Human Nature*. New York: Penguin Group, 2007. 791 p.

- Sims 2016 — Sims A. A problem of scope for the free energy principle as a theory of cognition. *Philosophical Psychology*. 2016, 29 (7): 967–980.
- Vetter, Newen 2014 — Vetter P., Newen A. Varieties of cognitive penetration in visual perception. *Consciousness and Cognition*. 2014, (27): 62–75.
- Vygotsky 1986 — Vygotsky L. S. *Thought and Language*. [1934]. Kozulin A. (ed.). Cambridge; Massachusetts: The MIT Press, 1986. 287 p.
- Widdowson 2002 — Widdowson H. G. *Linguistics*. New York: Oxford University Press, 2002. 134 p.
- Wierzbicka 1994 — Wierzbicka A. Semantics and Epistemology: the Meaning of “Evidentials” in a Cross-Linguistic Perspective. *Language Science*. 1994, 16 (1): 81–137.

Статья поступила в редакцию 25 мая 2020 г.
Статья рекомендована в печать 3 декабря 2020 г.

Nikolay F. Alefirenko

Belgorod State National Research University,
85, ul. Pobedy, Belgorod, 308015, Russia
alefirenko@bsu.edu.ru

Maral B. Nurtazina

L. N. Gumilyov Eurasian National University,
2, ul. Satpayeva, Nur-Sultan, 010000, Kazakhstan
nurtazina_mb@enu.kz

Kira K. Stebunova

Belgorod State National Research University,
85, ul. Pobedy, Belgorod, 308015, Russia
stebunova@bsu.edu.ru

In search of cognitive and linguistic methodology for discourse studies

For citation: Alefirenko N. F., Nurtazina M. B., Stebunova K. K. In search of cognitive and linguistic methodology for discourse studies. *Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature*. 2021, 18 (2): 313–338. <https://doi.org/10.21638/spbu09.2021.205> (In Russian)

This work is devoted to the study of theoretical and methodological problems of modern discourse open for discussion. Being an object of interdisciplinary interests, discourse studies profess various methodological principles and theoretical categories. Taking into account the positions of different humanities using the discourse category, the authors of the article consider the methodological primary basis of discourse-analysis to be the identification of communicative-cognitive correlation of a literary text's speech meaning and discourse-forming concepts as the basis of author's and reader's thought code. The category “discursive activity” introduced and interpreted by the authors correlates with linguistic activity: the four-element model of cognition and communication. It is proved that discursive activity is built not on the traditional three “whales”, but four. A communicative event is projected by: 1) object realities; 2) sensual perception of realities in the form of objective and previously stored in memory phonetic representations; 3) a discursive model of the future (supposed) text, which is constructed by ideal phenomena — concepts; 4) such ideal units as “internal words”. This allows for the interpretation of discourse as a schematic means of mentally constructing a communicative situation in the aggregate of its verbal/non-verbal elements. The developed discourse analysis in the work is based on the interpretation of a system of concepts, which are a cognitive substrate of a discursive situation and serve as the pre-text model of the event experienced by communicants as a real fact. An adequate interpretation of semantic relations between keywords and basic concepts is important in the developed

cognitive-linguistic methodology of discourse analysis. The contextual interpretation method and discourse analysis were used in the work.

Keywords: discourse-analysis methodology, communicative event, meaning, logo-episteme, concepts.

References

- Алефиренко 2020 — Alefirenko N. F. *Cultural linguistics: value-semantic space of language*. Uchebnoe posobie. 6th ed. Moscow: Flinta Publ., 2020. 336 p. (In Russian)
- БАСИНСКИЙ 2013 — Basinskii P. V. *Saint vs Lion. St. John of Kronstadt and Leo Tolstoi: the story of one enmity*. Moscow: Redaktsiia Eleny Shubinoi Publ., 2013. 576 p. (In Russian)
- Белянин 2000 — Belianin V. P. *Psychological foundations of diagnostics: a model of the world in literature*. Moscow: Trivola Publ., 2000. 247 p. (In Russian)
- Гегель 1959 — Gegel' G. V. F. The Pheminology of Spirit. In: Gegel' G. V. F. *Writings*. In 14 vols. Vol. 4. Moscow: Izdadel'stvo sotsial'no-ekonomicheskoi literaturny Publ., 1959. (In Russian)
- Герман 2000 — German I. A. *Linguosinergetics*. Barnaul: Altaiskaia akademiia ekonomiki i prava Publ., 2000. 170 p. (In Russian)
- ван Дейк 1989 — van Deik T. A. *Language. Cognition. Communication*. Moscow: Progress Publ., 1989. 312 p. (In Russian)
- Залевская 2001 — Zalevskaia A. A. *Text and its understanding*. Tver': Tverskoi gosudarstvennyi universitet Publ., 2001. 177 p. (In Russian)
- Иванов 2007 — Ivanov V. V. *Selected works on semiotics and history of culture: Semiotics of culture, art, science*. Moscow: Iazyki russkoi kul'tury Publ., 2007. 792 p. (In Russian)
- КАНТ 1964 — Kant I. Critique of pure reasons. In: Kant I. *Works*. In 6 vols. Vol. 3. Moscow: Mysl' Publ., 1964. 798 p. (In Russian)
- Кацнельсон 2001 — Katsnel'son S. D. *Categories of language and thinking. From scientific heritage*. Moscow: Iazyki slavianskoi kul'tury Publ., 2001. 864 p. (In Russian)
- Куссе, Чернявская 2019 — Kusse Kh., Cherniavskaia V. E. Culture: Towards its explanatory charge in discourse linguistics. *Vestnik of St. Petersburg University. Language and Literature*. 2019, 16 (3): 444–462.
- Лакофф 2004 — Lakoff G. *Women, Fire and Dangerous things. What categories reveals about the mind*. Shatunovskii I. B. (transl. from Eng.). Moscow: Iazyki slavianskoi kul'tury Publ., 2004. 792 p. (In Russian)
- Левицкий 2019 — Levitskii A. E. The discursive situation and the problem of understanding in the aspect of reference and communication. *Aktual'nye problemy filologii i pedagogicheskoi lingvistiki*. 2019, (1): 12–22. <https://doi.org/10.29025/2079-6021-2019-1-12-22>. (In Russian)
- Лосев, Тахо-Годи 2005 — Losev A. F., Takho-Godi A. A. *Platon — Aristotel*. Moscow: Molodaia gvardiia Publ., 2005. 392 p. (In Russian)
- Лотман 2002 — Lotman Iu. M. *History and typology of Russian culture*. St. Petersburg: Iskusstvo-SPb Publ., 2002. 768 p. (In Russian)
- Лурия 2007 — Luriiia A. R. *Lectures on General Philosophy*. St. Petersburg: St. Petersburg State University Press, 2007. 312 p. (In Russian)
- Степанов 1995 — Stepanov Iu. S. Alternative world, discourse, fact and principle of causality. In: *Iazyk i nauka kontsa 20 veka*. Moscow: Rossiiskii gosudarstvennyi gumanitarnyi universitet Publ, 1995. P. 38–49. (In Russian)
- Тичер и др. 2009 — Ticher S., Meier M., Vodak R., Vetter E. *Methods of analysing of text and discourse*. Khar'kov: Gumanitarnyi tsentr Publ., 2009. 356 p. (In Russian)
- Тодоров 1983 — Todorov Ts. *The concept of literature*. Kosikov G. K. (transl. from French). *Semiotika*. Moscow: Raduga Publ., 1983. P. 355–369. (In Russian)
- Тюпа 2010 — Tiupa V. I. Ontology of communication. In: *Diskursnye formatsii: Ocherki po komparativnoi ritorike*. Moscow: Iazyki slavianskoi kul'tury Publ., 2010. 346 p. (In Russian)
- Тюпа 2011 — Tiupa V. I. *Genre and discourse. Kritika i semiotika*. Novosibirsk; Moscow: Institut filologii Sibirskogo otdeleniia RAN Publ., 2011. Vol. 15. P. 31–42. (In Russian)
- Фуко 1996 — Foucault M. *Archeology of knowledge*. Mitin S., Stasov D. (transl. from French). Kiev: Nika-Tsentr Publ., 1996. 208 p. (In Russian)

- Чернявская 2017 — Cherniavskaia V.E. Methodological possibilities of discourse analysis in corpus linguistics. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya*. 2017, (49): 135–148. <https://doi.org/10.17223/19986645/50/9>. (In Russian)
- Шапинская 2017 — Shapinskaia E.N. Towards cultural research methodology: Discourse analysis. *Kul'tura kul'tury*. 2017, (3): 109–115. (In Russian)
- Щерба 2004 — Shcherba L.V. *Language system and speech activity*. [1974]. Moscow: Editorial Publ., 2004. 432 p. (In Russian)
- Alefrenko, Nurtazina 2018 — Alefrenko N., Nurtazina M. Metaphorical Discourse: in Search for the Essence of Speech Imagery. *Cuadernos de Rusistica Espanola*. 2018, (14): 49–65.
- Atlas 2005 — Atlas J.D. *Logic, meaning, and conversation: semantic underdeterminacy, implicature, and their interface*. Oxford: Oxford University Press, 2005. XV + 284 p.
- Benton 2016 — Benton M.A. Knowledge and evidence you should have had. *Episteme—a Journal of individual and social epistemology*. 2016, 13 (4): 471–479. <https://doi.org/10.1017/epi.2016.33>
- Capone 2017 — Capone A. Rethinking Language, Mind, and Meaning. *Australian journal of linguistics*. 2017, 37 (1): 112–120. <https://doi.org/10.1080/07268602.2016.1177868>.
- Fokkema 1986 — Fokkema D.W. The Semantic & Syntactic Organisation of Postmodern Texts. In: *Approaching Postmodernism*. Fokkema D.W., Bertens H. (eds). Amsterdam; Philadelphia: University of Utrecht Press, 1986. P.81–98.
- Gauker 2013 — Gauker C. *Inexplicit thoughts*. In: *Brevity*. Goldstein L. (ed.). Oxford: Oxford University Press, 2013. P.74–90.
- Grice 1957 — Grice H.P. Meaning. *Philosophical Review*. 1957, (66): 377–388.
- Jameson 1995 — Jameson F. *Postmodernism*. New York; London: Cambridge University Press, 1995. 438 p.
- Juan 2016 — Juan V.S. Does language matter for implicit theory of mind? The effects of epistemic verb training on implicit and explicit false-belief understanding. *Cognitive development*. 2016, (3): 19–32. <https://doi.org/10.1016/j.cogdev.2016.12.003>.
- Kristeva 1984 — Kristeva J. *Revolution in poetic Language*. Waller M. (transl.). New York: Columbia University Press, 1984. 578 p.
- Lévi-Strauss 2005 — Lévi-Strauss C. *Myth and Meaning*. [First published 1978]. London; New York: Routledge & Kegan Paul, U.K, Taylor & Francis Group, 2005. 72 p.
- Macpherson 2017 — Macpherson F. The relationship between cognitive penetration and predictive coding. *Consciousness and Cognition*. 2017, (47): 6–16.
- Niiniluoto 2016 — Niiniluoto I. Logical Tools for Human Thinking: Jaakko Hintikka (1929–2015). *Journal for general philosophy of science*. 2016, 47 (2): 267–276. <https://doi.org/10.1007/s10838-016-9347-7>.
- Nuyts 1993 — Nuyts J. Cognitive Linguistics. *Journal of Pragmatics*. 1993, 20 (3): 269–290.
- Piaget 2000 — Piaget J. Commentary on Vygotsky. *New Ideas in Psychology*. 2000, (18): 241–259.
- Pinker 2007 — Pinker S. *The Stuff of Thought: Language as a Window into Human Nature*. New York: Penguin Group, 2007. 791 p.
- Sims 2016 — Sims A. A problem of scope for the free energy principle as a theory of cognition. *Philosophical Psychology*. 2016, 29 (7): 967–980.
- Vetter, Newen 2014 — Vetter P., Newen A. Varieties of cognitive penetration in visual perception. *Consciousness and Cognition*. 2014, (27): 62–75.
- Vygotsky 1986 — Vygotsky L.S. *Thought and Language*. [1934]. Kozulin A. (ed.). Cambridge; Massachusetts: The MIT Press, 1986. 287 p.
- Widdowson 2002 — Widdowson H.G. *Linguistics*. New York: Oxford University Press, 2002. 134 p.
- Wierzbicka 1994 — Wierzbicka A. Semantics and Epistemology: the Meaning of “Evidentials” in a Cross-Linguistic Perspective. *Language Science*. 1994, 16 (1): 81–137.

Received: May 25, 2020

Accepted: December 3, 2020